

ЖУРНАЛИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИНЦИПИАЛЕН, НО Я НЕ ЖУРНАЛИСТ

73

(Окончание. Начало на 10-й стр.)

– Что вам ближе – театр, телевидение или кино?

– Кино. Поскольку насчет театра я принял решение уже довольно давно и сейчас его не меняю за редкими исключениями – выходами в актерство, скорее вымышленными, нежели необходимыми, так или иначе развлекающими. А с телевидением мы разобрались с вами в первом вопросе. Кино для меня – нечто живое и совершенно незнакомое. Решил и эту территорию пометить – снять фильм. Скажите спасибо, я еще писать не начал. А если серьезно, то в кино очень многое зависит от того, с каким материалом ты работаешь – свет, монтаж, композиция, камеры. И я понял, что для меня это та область, где можно себя выразить.

– И вы хотите еще снимать?

– Да, конечно. Главное, понятное дело, – найти деньги на съемки. А это смотря как удастся продать первый фильм.

– О чем ваш первый фильм?

– «Пастух своих коров» – картина о жизни. Сюжет – самая банальная и скучная история, даже пересказывать не стоит. Если говорить о жанре, это, скорее всего, притча. Про то, как сильно можно возжелать свободы и независимости и попасть потом к ним в рабство.

– Будучи в программе «Культурная революция», вы отказали слабому полу в способности создать шедевр. За что женщин не уважаете?

– Есть только две области, в которых женщины могут сотворить что-то гениальное. Это искусство, преимущественно живопись и балет, а также поэзия. И я тут подумал, что области, связанные с комбинаторикой, вам, пожалуй, тоже доступны. Только не сложные вычисления.

– Вы религиозный человек? Верите в Бога?

– Недавно я жутко устал в Питере на озвучании фильма, и мы с друзьями, отдыхая, начали обсуждать религию, веру. Пришли к выводу, что Бог квантуется. То есть он то есть, а то его нет. Поэтому и вера такая же, квантованная. Туда она направлена или обратно, определить невозможно.

– Есть один вопрос, который вам задают постоянно – это ваши отношения с Владимиром Соловьевым. Скажите честно, какие они?

– Честно? Хреновые. Он все время говорит про меня гадости в прессе, а я читаю, обижаюсь и говорю про него. На самом деле, он просто милый человек. Глупый только очень.

– Когда вы видите лицом к лицу, как себя ведете?

– Лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянии – это особенно товарища Соловьева касается. Да нет, мило общаемся. А чего делить-то нам? «Процесс» закончился, к счастью.

– В «Процессе», кстати, и начались ваши разногласия. Вы там отстаивали свои позиции? Неужели они у вас с Владимиром Соловьевым ни разу не совпали?

– Конечно, могли и совпадать. С «Процессом» получилась лажа, и опять же из-за дяди Володи. Потому что с самого начала мы договорились, что вся идея программы и заключается-то в одном только правиле – каждый адвокат отстаивает ту позицию, которая не принадлежит ему, которую поручили защищать. Для меня это был идеальный способ показать, как легко формируется общественное мнение. А он захотел играть в политику: нет, говорит, я буду придерживаться своей позиции. В общем, концепцию нарушили, а еще каждый раз мне приходилось пропагандировать какую-то левую позицию. Из-за этого после передачи писали, что отстаиваемая господином Гордоном точка зрения может не совпадать с его собственными взглядами.

– Насколько вообще журналист должен быть принципиален?

– Журналист должен быть принципиален, но я не журналист.

– За определенную сумму вы можете отказаться от своего мнения и проповедовать прямо противоположные идеи?

– Да, если вы дадите мне миллион долларов, я скажу, что женщина может создать шедевр. ■